

Н. Г. Бабенко, М. А. Стешенко

**ФРЕЙМОВЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СЕМАНТИЗАЦИИ
БИБЛЕИЗМА-КВАЗИАНТРОПОНИМА БЛУДНЫЙ СЫН
В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ**

21

Пути семантизации библеизма-квазиантропонима блудный сын в поэтическом тексте определяются в русле фреймового подхода как способа когнитивного моделирования и описания. Данный подход позволяет определить и охарактеризовать механизмы формирования значения у прецедентной ономастической единицы, транслирующей концептуальные смыслы библейского текста. В статье предлагается новая методика анализа библеизма-антропонима в поэтическом тексте.

Результаты исследования показывают, что реализация квазиантропонима блудный сын в разновременных текстах русской поэзии характеризуется наследованием концептуальных базовых библейских смыслов или их трансформацией. Этот квазиантропоним обуславливает развитие в тексте глубинных смыслов, связанных с поэтической интерпретацией «вечного» сюжета, в том случае, если базовый фрейм-сценарий реализуется точно: с полным набором всех идейно значимых слотов. Наследование смыслов осуществляется как эксплицитно, так и имплицитно, при этом поэтическая интерпретация библейского сюжета сохраняет сущностную связь с базовым протофреймом. В большинстве контекстов наблюдается трансформация смыслов рассматриваемого фрейма, при которой библейская символика оказывается вытесненной и квазиантропоним «блудный сын» транслирует только обобщенное фразеологизированное значение.

This article describes ways to semanticise the biblical quasi-anthroponym 'prodigal son' in a poetic text, using the frame approach as a means of cognitive modelling and description. This approach helps to identify and characterise meaning construction mechanisms in a precedent onomastic sign, which conveys the conceptual meanings of the biblical text. The study proposes a new methodology for analysing the biblical anthroponym in a poetic text.

The results obtained suggest that the realisation of the quasi-anthroponym prodigal son in Russian poetry texts of different periods is associated with either inheriting or transforming conceptual basic biblical meanings. If the basic frame scenario is executed with high precision, i.e. using a complete set of ideationally significant slots, the biblical quasi-anthroponym prodigal son determines how deeper meanings associated with the poetic interpretation of that eternal plot develop in the text. The inheritance of meanings is carried out both explicitly and implicitly, whereas the poetic interpretation of the biblical plot retains an essential connection with the basic protoframe. In most contexts, the meanings of the basic frame undergo a transformation when biblical symbolism is cancelled out, and the quasi-anthroponym 'prodigal son' merely communicates a generalised phraseological meaning.

Ключевые слова: прецедентный знак, библеизм-квазиантропоним, фрейм, протофрейм, фреймовый подход, слот, семантизация.

Keywords: precedent sign, biblical quasi-anthroponym, frame, protoframe, frame approach, slot, semantisation.

Введение

Использование в художественном тексте прецедентного имени, актуализирующего прототекст в рамках текста нового (так называемая точечная цитация), является традиционным, классическим приемом поэтического творчества. При этом библейский антропоним, будучи знаком одновременно языкового и когнитивного планов (как и всякое прецедентное имя), функционирует в качестве средства авторской и читательской рефлексии над «библейскими истинами», заложенными в них морально-нравственными универсалиями. Цель настоящей статьи — установить, чем определяется семантический потенциал библейского квазиантропонима *блудный сын* в поэтическом тексте, насколько полно и в какой динамике концептуальные смыслы Вечной книги транслируются в русской поэзии XVIII—XX вв.

В качестве методологической основы исследования избран фреймовый подход, исключающий необходимость непосредственно анализировать словесную ткань библейского текста, неоднократно опосредованную переводом. По мнению интерпретаторов фреймового подхода к исследованию вербальных текстов, набор стереотипных семантических компонентов, определяющих структуру фрейма, «фиксирует прагматически значимые для носителей языка... отрезки опыта» [7, с. 87], формирует модель «культурно-обусловленного, канонизированного знания» [1, с. 26].

Библейские протофреймы «Духовное преображение человека» и «Духовная гибель человека»

На основании анализа сюжетов, репрезентируемых библейскими антропонимами и квазиантропонимами с семантикой физического/духовного недуга, отчетливо выделяются событийные элементы, повторяемость которых позволяет говорить об устойчивости структуры информационных единиц, изначально заданных в базовом протофрейме «Духовное преображение человека», и во вторичном, производном от базового протофрейме «Духовная гибель человека». Значения слотов базового и вторичного протофреймов составляют оппозицию, детерминированную библейским текстом — Ветхим и Новым Заветом.

Ветхий Завет предвещает приход Спасителя, Новый Завет повествует о деяниях Иисуса Христа, а также его учеников и последователей во имя спасения человечества. Смысл исцеления души, избавления ее от греха ради обретения жизни вечной является концептуальным для библейского текста. Святоотеческая литература характеризует ветхого человека как человека, отклонившегося от пути Истины, добра: «Человек, каким он стал по падении, есть ветхий человек» (Феофан Затворник) [3]. Блаженный Феофилакт Болгарский говорил, что ветхий человек не есть человеческое естество само по себе, но порочность души, ее искривленность страстями: «Ветхий наш человек — не естество, а лукавое расположение духа» [11, с. 48].

Жизнь нового человека — это «жизнь, которая приводит человека в непосредственное соприкосновение с Богом, это новый союз, новый завет» [5], источник духовного преображения человека и *жизни вечной*¹. Концептуально значимое соединение, соположенность, сонаправленность волею Создателя и Его любимого создания определяет как духовное, так и культурно-эстетическое смысловое пространство текста Библии.

Закономерно, что грех как отступление от духовных истин нередко становится причиной физического недуга: «Связь болезней с грехами людей (в том числе переходящими от родителей) неоднократно подчеркивается в Священном Писании...» [6, с. 12]. Следуя логике вышесказанного, обратим внимание на значимость в контексте всей христианской культуры концепта «тело человека», поскольку тело человека занимает метафизическую позицию «посередине мира» (А. Тарковский), являясь местом скрещения горизонтали и вертикали: схождения мира дольного и горнего. Именно здесь — одновременно точка встречи и разлуки человека с самим собой: собственной глубиной, с «мерой самого себя» (А. Сурожский). Избавление от греха и духовное перерождение человека связано с изменениями, сообщаемыми телу, телом или посредством тела.

Сценарий духовного преображения ветхого человека в нового, приобщившегося к Христовой вере, отражен в базовом протофрейме, структура которого представлена на рисунке 1.

Базовый протофрейм «Духовное преображение человека»	
1.	Грех
2.	Недуг духа / тела как следствие греха
3.	Покаяние (обращение ко Христу)
4.	Исцеление (по воле Спасителя)
5.	Жизнь нового человека (жизнь во Христе, жизнь вечная)

Рис. 1. Базовый протофрейм библейских сюжетов, эксплицируемых антропонимами-библеизмами с семантикой физического / духовного недуга

Если базовый протофрейм отражает сценарий спасения человека через его обращение к вере, то вторичный протофрейм (рис. 2), каркас которого изоморфен строению базового, а слоты 3, 4 и 5 контрастны, антонимичны соответствующим слотам базового протофрейма, представляет сценарий неизбежного «обветшания», то есть духовной гибели человека.

Вторичный протофрейм «Духовная гибель человека»	
1.	Грех
2.	Недуг духа / тела как следствие греха
3.	Отсутствие покаяния (отступление от веры, безверие)
4.	Усугубление недуга
5.	Смерть (гибель от внешней силы или самоубийство)

Рис. 2. Вторичный протофрейм библейских сюжетов, эксплицируемых антропонимами-библеизмами с семантикой физического / духовного недуга

¹ «И Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек...» (Ин. 10: 28).

Сопоставление схем базового и вторичного протофреймов выявляет особую (кульминационную) значимость противопоставления 3-х слотов анализируемых протофреймов: «Покаяние (обращение ко Христу)» // «Отсутствие покаяния (отступление от веры / безверие)». Отметим, что «обветшание» человека осуществляется через усугубление недуга по причине не только отсутствия покаяния, но глубже — по причине разрыва связи с Господом.

Библейские антропонимы с семантикой физического / духовного недуга и совершенства в языке русской поэзии: количественный аспект

24

Методом сплошной выборки из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) было выявлено 236 текстов русской поэзии с включением библейских антропонимов, транслирующих семантику физического / духовного недуга и совершенства. Данные проведенного контент-анализа демонстрируют, что наибольший показатель частотности употребления библейских антропонимов с названной семантикой в русской поэзии XVIII—XX вв. закреплен за квазиантропонимом *блудный сын*, что, безусловно, симптоматично (рис. 3).

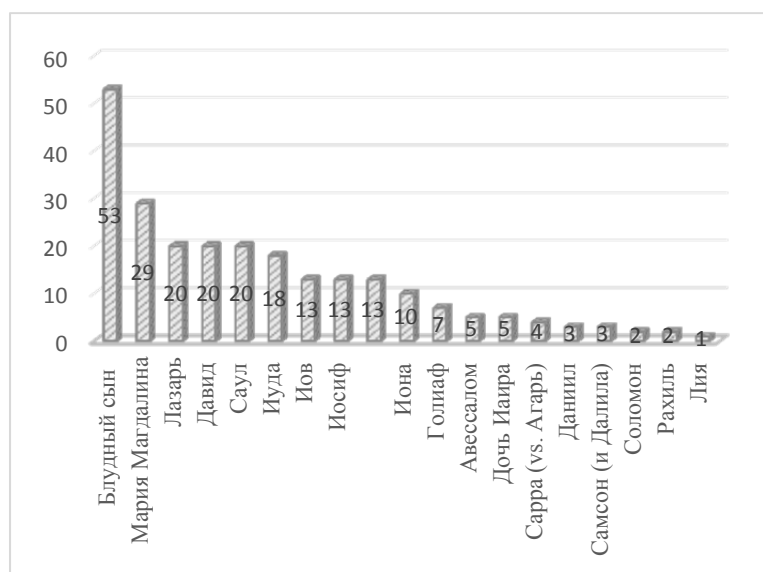

Рис. 3. Частотность употребления библейских антропонимов с семантикой физического / духовного недуга и совершенства в русской поэзии XVIII—XX вв.

Важно отметить, что квазиантропоним *блудный сын* является прецедентным именем, «местом памяти» (П. Нора), «символической фигурой» (Ф. Б. Шенк) для всей христианской культуры. Притча о блудном сыне «как смысловой инвариант актуализируется и возрождается каждый раз в контексте новой эпохи» [9, с. 39].

Инструменты цифровых технологий и корпусной лингвистики обеспечивают наглядность и объективацию исследуемого материала в количественном аспекте. В форме облака слов возможно визуализировать все библейские антропонимы, передающие семантику физического / духовного недуга и совершенства в текстах, представленных в поэтическом подкорпусе НКРЯ. Каждый из антропонимов-библеизмов в соответствии с логикой построения облака слов располагается с учетом частоты его употребления, при этом уровень частотности выражается в размере каждой лексической единицы, составляющей облако (рис. 4).

Рис. 4. Облако слов «Библейские антропонимы с семантикой физического / духовного недуга и совершенства» в русской поэзии XVIII – XX вв.

Используя методику конструирования словесного облака, удалось смоделировать тот вариант библейского сегмента русской персоносферы², который представлен в нашей выборке примеров употребления библейских антропонимов и квазиантропонимов в русской поэзии. Как видим, ядерным компонентом облака поэтонимов-библеизмов также является квазиантропоним *блудный сын* – имя соответствующего сценария, который представляет собой один из текстов-гипонимов, одну из текстовых манифестаций базового протофрейма-гиперонима «Духовное преображение человека» (рис. 5).

В Библии конкретный «семейный» сюжет служит выражению концептуальных религиозно-нравственных смыслов: библейская герменевтика, интерпретируя притчу о блудном сыне, исходит из «житейского» и символического толкования образа отца – Отца. Вот как об этом говорится в «Толковании святителя Григория Паламы на притчу о блудном сыне»:

Справедливо... мы сказали, что онный Отец (в притче о блудном сыне) это – Бог; ибо как бы тот, отступивший от отца сын, согрешил против неба, если бы это не был Небесный Отец? Итак, он говорит: я согрешил против неба – то есть против Святых на небе, и которых жительство на небе, – и пред Тобою, который обитает с Твоими Святыми на небе» [10].

² Развивая мысль Д.С. Лихачева о концептосфере русского языка, Г.Г. Хазагеров вводит термин «персоносфера», которым обозначает сферу особо значимых для человечества исторических, религиозных, литературных, фольклорных персонажей. Ученый отмечает возможность говорить как о национальной персоносфере, так и о персоносфере отдельного человека [12].

Базовый протофрейм «Духовное преображение человека»		Фрейм-сценарий «Блудный сын»
1.	Грех	Отступничество от отца / Отца
2.	Недуг духа / тела как следствие греха	Тяготы жизни грешника
3.	Покаяние (обращение ко Христу)	Покаяние (мольба о прощении) – возвращение к отцу / Отцу
4.	Исцеление (по воле Спасителя)	Прощение блудного сына отцом / Отцом
5.	Жизнь нового человека (жизнь во Христе, жизнь вечная)	Жизнь нового человека (жизнь во Христе, жизнь вечная)

26

Рис. 5. Соположение библейского протофрейма «Духовное преображение человека» и библейского фрейма-сценария «Блудный сын»

Структура библейского фрейма-сценария «Блудный сын» и его интерпретация в русской поэзии

В 53 текстах русской поэзии XVIII–XX вв., содержащих в своей лексической структуре квазиантропоним *блудный сын*, проявляются разные уровни восприятия, понимания и толкования смыслов библейского фрейма «Блудный сын»:

- 1) уровень эксплицитного либо имплицитного **наследования концептуальных смыслов**;
- 2) уровень эксплицитной **трансформации концептуальных смыслов** (рис. 6).

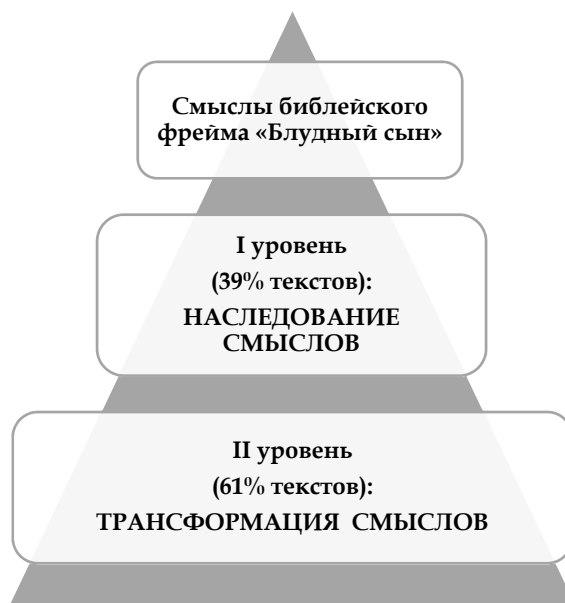

Рис. 6. Уровни актуализации фрейма-сценария «Блудный сын» в поэтических текстах

I уровень: Наследование смыслов. Для 20 стихотворений различных литературных эпох характерна манифестация концептуальных («сильных») смыслов анализируемого фрейма, которая может иметь как эксплицитный, так и имплицитный характер.

Эксплицитное наследование смыслов происходит по положительному либо отрицательному сценарию. Например, наследование сильных смыслов **по положительному сценарию** находим в стихотворении А. Н. Апухтина «Помощник, Покровитель мой!..», выдержанном в речевом жанре мольбы. В поэтическом тексте очевидно смысловое наследование 1–3-го слотов («Грех» – «Недуг» – «Покаяние») библейского фрейма-сценария «Блудный сын», о чем свидетельствует их соответствующее лексическое наполнение:

Помощник, Покровитель мой! <...>; О, сжался надо мной! – мой близится конец... // Как сына блудного прими меня, Отец! // Спаси, спаси меня, Всесильный! <...> От юности моей погрязнул я в страстях, // Богатство растерял, как жалкий расточитель; <...> Весь язвами и ранами покрыт, // Страдаю я невыносимо... <...> Но не отринь меня, поверженного в прах, // Хоть при конце спаси меня, Спаситель!

Компоненты номинационного ряда *Помощник, Покровитель, Отец, Всесильный, Спаситель*, лексика текстовых микрополей греха (*погрязнул в страстях, богатство растерял, жалкий расточитель*) и страдания (*язвы, раны, страдаю невыносимо, поверженный в прах*), корневой повтор в строке *Спаси меня, Спаситель* вкупе с императивами *сжался, прими меня, не отринь* выражают крайнюю степень страдания и глубину покаяния субъекта речи, жаждущего преобразования.

В другом стихотворении А. Н. Апухтина – «О Ты, который мне и жизнь и разум дал...» – наследование сильных смыслов идет **по отрицательному сценарию**. Лингвопоэтика стихотворения зеркально отражает комплекс художественных приемов предыдущего текста, однако служит выражению диаметрально противоположной идеи: неизбежность мук субъекта речи в Господней безучастности:

<...> Мы дышим, движемся. Твоей покорны власти... // Зачем же Ты караешь нас за страсти, // Зачем же мы так мучимся, любя? <...> Вот я пришел к Тебе, измученный, усталый, // всю веру детских лет в душе своей храня... // Но Ты услышал ли призыв мой запоздалый, // Как сына блудного Ты принял ли меня? <...> Пошли мне смерть, пошли мне смерть скорее! // Чтоб мой язык, в безумьи цепenea, // Тебе хулы не произнес; // Чтоб дикий стон последней муки // Не заглушил молитвенный псалом; // Чтоб на себя не наложил я руки // Перед Твоим безмолвным алтарем!

В укре Создателю за мнимой «покорностью» героя, признающего свою греховность, проявляется замещение покаяния гордыней – смертным грехом, который делает невозможным преобразование человека. Именно разрушением слота «Покаяние» библейского фрейма обусловлены элиминация слотов восхождения от ветхого человека к новому и запуск слотов вторичного протофрейма «Духовная гибель

человека»: усугубление греха, саморазрушение и стремление к гибели. Угроза впасть в тягчайший грех самоубийства полностью отвечает содержанию финального слота («Смерть») в структуре вторичного библейского протофрейма «Духовная гибель человека».

При **имплицитном наследовании смыслов** квазиантропоним *блудный сын* участвует в реализации индивидуально-авторских сценариев, в которых при большой доле имплицитированной (содержательно-подтекстовой, по терминологии И.Р. Гальперина [4, с. 28]), информации сохраняется глубинная смысловая связь с базовым протофреймом «Духовное преображение человека» и с его конкретной манифестацией — библейским фреймом «Блудный сын». При этом в поэтическом тексте на фоне актуализации библейского фрейма (по его положительному или отрицательному сценарию) происходит некий «слом», порождающий новую содержательно-концептуальную информацию. Именно так срабатывает лингвопоэтический прием композиционно-смыслового сдвига в стихотворении Б. А. Слуцкого «Блудный сын»:

*Истощенный нуждой, // истомленный трудом, // Блудный сын // возвращается
в отческий дом. // И стучится в окно осторожно: // – Можно? // – Сын мой! //
Единственный! Можно! // Можно все. Лобызай, если хочешь, отца, // Обгрызай ду-
ховитые кости тельца. // Как приятно, что ты возвратился, // Ты б остался, сы-
нок, и смирился. – // Сын губу утирает густой бородой, // Поедает тельца, // За-
пивает водой, // Аж на лбу блещет капелька пота // От такой непривычной рабо-
ты. // Вот он съел, сколько смог. // Вот он в спальню прошел, // Спит на чистой
постели. // Ему – хорошо! // И встает. // И свой посох находит, // И, ни с кем не
прощаясь, уходит.*

В этом стихотворении все слоты базового протофрейма «Духовное преображение человека» и библейского фрейма «Блудный сын» получают лексическое наполнение близкое, но не тождественное каноническому. Так, слот «Покаяние» представлен не «ожидаемой» лексикой самоосуждения и мольбы, а лишь одиночным предикативным наречием с вопросительной модальностью допущения, позволения (*можно?*). Ключевой метой смыслового сдвига в авторском переложении библейской притчи становится глагол *смириться*, употребленный в этом контексте в желательном-побудительном значении (*смирился б*). Возникновение мотива смирения как необходимого условия возвращения к семейному очагу предопределяет неизбежность второго (окончательно?) ухода сына: *И встает. // И свой посох находит, // И, ни с кем не прощаясь, уходит*. Сытости и безмятежному покою *отческого дома* сын предпочитает бездомность, странничество. Вспомним, что посох — символический атрибут странника, претерпевающего лишения «ради искания истины Христовой» (Н.С. Лесков). В поэтической интерпретации притчи эксплицитировано отступление от библейской трактовки образов отца и сына, но имплицитировано наследование концептуальных смыслов первоисточника: противоречивость и многотрудность пути блудного сына к новой жизни — к жизни во Христе.

II уровень: Трансформация смыслов. В 61 % исследованных поэтических текстов присутствует трансформация сакральных смыслов фрейма-сценария «Блудный сын», обусловленная деактуализацией прототипических слотов и их канонического лексического наполнения: массив текстов, принадлежащих второму уровню актуализации библейского сценария, характеризуется вытеснением, замещением сакрального образа Отца, Спасителя образами Родины (1), природы родного места (2), музыки (3):

(1) *Родина-мать! я душою смирился, // Любящим сыном к тебе воротился. // <...> // Жизнь измят я... и скоро я сгину... // Мать не враждебна и к блудному сыну: // Только что я ей объятья раскрыл — // Хлынули слезы, прибавилось сил* (Н. А. Некрасов. «Саша»);

(2) *Приветствую тебя, мой добрый, старый сад, // Цветущих лет цветущее наследство! // С улыбкой горькою я пью твой аромат, // Которым некогда мое дышало детство. // <...> // Стою как блудный сын перед лицом отца, // И плакать бы хотел — и плакать не умею!* (А. А. Фет. «В саду»);

(3) *...О, музыка! // <...> // И ныне праздник твой, и гимном покаянным, // Как блудный сын, тебя приветствую теперь. // Я слышу, ты идешь в венке благоуханном // И в сердце мне стучишь, как в запертую дверь.* (К. М. Фофанов. «Тридцать лет»).

В текстах, подобных приведенным, актуализируются патриотический (тема Родины, боли и личной вины за ее страдания), ностальгический (тема памяти, грусти / сожаления / покаяния при виде запустения / покинутости родных мест) мотивы, а также мотив творчества (в его взлетах и падениях).

Смысловые трансформации базового фрейма обуславливают неполноту, фрагментарность его развертывания через слоты нижних уровней. При этом в текстах второго (низшего) уровня актуализации библейского фрейма квазиантропоним *блудный сын* функционирует как знак, провоцирующий минимализированное на фоне «материнского» текста восприятие: переживания человека, когда-то покинувшего, отринувшего истинно дорогое и ценное (Родину, родные места, призвание)³.

Выводы

Фреймовый анализ позволяет смоделировать структуру сюжета, стоящего за именем библейского персонажа, увидеть, в каких слотах и связях между ними раскрываются концептуальные смыслы, семантизирующие библейский антропоним в «материнском» тексте и в разновременных текстах русской поэзии.

³ Выражение «блудный сын» в Большом словаре крылатых слов и выражений русского языка на уровне общеизвестного языкового значения с ироничной или шуточной окраской толкуется как «сын, вышедший из повиновения отцу»; употребляется в значении «человек беспутный, нравственно нестойкий», но чаще в значении «раскаявшийся в своих заблуждениях» или «человек, долго отсутствующий и наконец вернувшийся» [2, с. 108].

Библейский фрейм-сценарий «Блудный сын» разворачивается в поэтических текстах в логике наследования или трансформации концептуальных смыслов. Эксплицитное наследование сильных смыслов происходит либо по положительному сценарию – с сохранением всех слотов библейского фрейма и авторской нюансировкой их лексического наполнения, либо по отрицательному сценарию – с деформацией или полным исключением слота «Покаяние...» и последующей элиминацией слотов «Прощение...», «Жизнь нового человека».

Имплицитное наследование концептуальных смыслов происходит при рождении поэтической интерпретации, содержательно полемизирующей с библейской притчей, но при этом сохраняющей сущностную связь с базовым протофреймом «Духовное преображение человека».

Трансформация смыслов анализируемого фрейма в поэтических текстах проявляется в забвении библейской символики первоисточника: образ Отца (Бога) замещается образом Родины, родной стороны, музыки и т.д., что приводит к деформации семантической структуры как фрейма-гипонима «Блудный сын», так и протофрейма-гиперонима «Духовное преображение человека».

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2001. С. 25–36.
2. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : в 2 т. / под ред. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск ; Greifswald, 2008 – 2009.
3. Азбука веры: православная энциклопедия. URL: <https://azbyka.ru/vetxijchelovek> (дата обращения: 27.01.2020).
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
5. Мень А. Христианство: лекция. 08.09.1990 // Библиотека Максима Мошкова : [сайт]. URL: <http://lib.ru/HRISTIAN/mennhr.txt> (дата обращения: 27.01.2020).
6. Невярович В.К. Чудесные исцеления. Воронеж, 1998.
7. Никонова Ж.В. Фрейм в контексте лингвистической науки // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. Т. 2, №4. С. 86–89.
8. Национальный корпус русского языка : [сайт]. URL: <http://www.ruscorgpora.ru/> (дата обращения: 02.09.2019).
9. Радь М.Э. Моделирование вариантов сюжета-архетипа о блудном сыне авторским сознанием А.С. Пушкина и Л.Н. Андреева в диалоге эпох // Вестник Томского государственного университета. 2011. №351. С. 39–42.
10. Толкование Григория Паламы на притчу о блудном сыне // Могилевская епархия. Белорусская Православная Церковь. Московский Патриархат : [официальный сайт]. URL: <http://mogeparhia.by/2017/02/11/tolkovanie-svyatitelya-grigoriya-palamy-na-pritchu-o-bludnom-syine/> (дата обращения: 28.01.2020).
11. Феофилакт Болгарский. Толкование посланий Св. Апостола Павла : в 2 кн. М. ; Берлин, 2017. Кн. 2.
12. Хазагеров Г.Г. Персоносфера русской культуры: два свойства персоносферы // Новый Мир. 2002. №1. С. 133–145.

Об авторах

Наталья Григорьевна Бабенко – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: banagr@rambler.ru

Мария Александровна Стешенко – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: mariamaria_st@mail.ru

The authors

Prof. Natalia G. Babenko, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: banagr@rambler.ru

Maria A. Steshenko, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: mariamaria_st@mail.ru